

Воинствующий материалист

(К 125-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского)

I.

Он страстно жаждал революции, считал ее неотвратимой, близкой и своей блестящей деятельностью торопил ее приход. Со страниц «Современника», превращенного им в трибуну революционной демократии, Н. Г. Чернышевский разоблачал либералов, предающих народные интересы, и с необычайной силой логики и эрудицией показывал несостоятельность всех доводов, которые выдвигали против революции ее враги.

Он обрушивался на выдуманный Мальтусом «закон», который и по сей день проповедуют реакционеры от науки, желающие оправдать бесчеловечную практику капитализма. «Когда истощаются все другие возражения против радикальных нововводителей (так назывались на страницах «Современника» революционеры.— Г. Ф.), то последним непреодолимым аргументом представляется невозможность увеличивать производство продовольствия с быстротою, соразмерною прогрессии, по какой люди имеют способность размножаться. Таким образом вопрос возвращается к тому самому положению, в какое поставлен был Мальтусом», — писал Чернышевский.

Эти строки содержатся в замечаниях к работе «Основания политической экономики» Д. С. Милля — произведению, которое в течение целого года из номера в номер печаталось в «Современнике». Перевел книгу и снабдил ее примечаниями и дополнениями сам Чернышевский. Совершенно необычным было и то, что основной текст набран был мелким шрифтом — петитом, примечания же переводчика выделены крупным, жирным шрифтом, и то что они по объему занимали больше места, чем основной текст...

И в самом деле, главным здесь были замечания переводчика. Под видом публикации трудов известного своей благонамеренностью буржуазного английского про-

фессора Чернышевский в своих замечаниях дал уничтожающую критику основ буржуазной политической экономии.

Закон народонаселения и «закон» убывающего плодородия, пущенные в оборот английским попом Мальтусом и ставшие общим местом буржуазной политической экономии, являлись для Милля аксиомой. Чернышевский, детально разобрав все доводы буржуазных ученых, проанализировав приведенные ими исторические примеры, доказал, что ни в природе, ни в истории человеческого общества таких законов нет.

— Ницета происходит не от закона природы, а просто от человеческих отношений! — таков был вывод гениального исследования.

«Когда покупательная сила в руках одного человека, а голод находится в желудке другого человека, то пища для этого другого человека не будет произведена, хотя бы природа не поставляла никаких препятствий произвести ее». Пусть эти строки были тогда вычеркнуты красным карандашом цензора, но вся критика мальтусовского лжеучения подводила именно к этому выводу каждого внимательного читателя «Современника».

«Закона» убывающего плодородия не существует в природе. Слово обращаясь к тем, кто и по сей день считает высшим достижением плодотворную систему земледелия, принятую в Англии и Голландии, Чернышевский писал: «...самые высокие формы нынешней плодотворной системы далеко не составляют границы, до которой можно возвысить производительность сельского хозяйства, даже при нынешнем состоянии естественных наук, технологии и механики». С особой силой звучат эти слова сегодня, когда наша социалистическая промышленность дает сельскому хозяйству совершенные машины, а естественные науки разработали травопольную систему земледелия.

Мысль Чернышевского шла в том же направлении, что и мысль Карла Маркса, который за несколько лет до этого писал, что плодородие вовсе не такое уж природ-

ное качество почвы, как это кажется, что оно тесно связано с общественными отношениями...

В те дни, когда Чернышевский томился в ссылке в глухих урочищах Сибири, в Лондоне Карл Маркс писал о работе Чернышевского, показывающей все убожество Мальтуса и выдвигаемых им «законов», что «банкротство «буржуазной» политической экономии... мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский».

II.

В письмах к сыновьям из Виллюйского острога в 1877 году Чернышевский вспоминал о «своих заметках на книгу Милля». «Я там толковал о Мальтусе, будто о чем-то серьезном. А Мальтус — пустой шарлатан, на которого стоит лишь плюнуть». Его учение — одно из «направлений в науке, совершенно не заслуживающих внимания».

В глубине Якутии Чернышевский не знал, что заржавленное оружие мальтузианцев снова вытаскивалось из арсенала реакции, подновлялось и подчищалось. И, конечно, ему не было известно, что в немецком «Ежегоднике социальных наук» за 1881 год появилась статья «Чернышевский и Мальтус».

«Среди многочисленных противников Мальтуса вряд ли кто оказался более опасным для него, чем русский социалист Чернышевский, который, с помощью своего блестящего математического метода, как будто бы окончательно уничтожил мальтусову теорию народонаселения», — таким утверждением начиналась эта статья.

Вслед за похвалами «томящемуся в Сибири мученику» автор статьи напал на русского исследователя. Он утверждал, что неомальтузианская пропаганда противозачаточных средств — единственный путь решения проблемы народонаселения.

Автором этой статьи был Карл Каутский — апологет неомальтузианства, лженаучной и человеконенавистнической теории, которая в наши дни получила такое широкое распространение среди правых социалистов, стремящихся продлить жизнь обреченного историей капитализма.

Величие Чернышевского в том, что он с позиций истинной науки доказал всю неадекватность, лживость мальтузианских теорий и определил их «служебное назначение» в борьбе с революционным движением.

Когда после двадцати лет каторги и ссылки Чернышевский был условно освобожден и водворен в Астрахань, он увидел, что разгромленные им еще в молодости ложные теории, якобы подкрепленные последними научными открытиями, снова получили широкое хождение. Несломленный, негибачный, он вступил в страстный бой против всякого рода старых и новых реакционных течений, в том числе мальтузианства, принявшего новое обличье.

Статья Чернышевского, в которой он, по существу, отвечал на проповедь Каутского и других неомальтузианцев, имеет свою историю и свою судьбу.

III.

«Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» — так называлась статья Чернышевского, опубликованная в сентябрьской книжке журнала «Русская мысль» за 1888 год. У нее был и подзаголовок: «Предисловие к некоторым трактатам по ботанике, зоологии и наукам о человеческой жизни». Подзаголовок этот должен был заставить думать «власти придержащие», что речь идет о приращении, а не о злободневном политическом вопросе.

К сожалению, и редакторы Гослитиздата также поверили этому подзаголовку и, включая статью в десятый том полного собрания сочинений, сообщили, что не удалось установить имен авторов трактатов, «предисловием к которым является настоящая статья Чернышевского».

Из писем Николая Гавриловича и к редактору, и к издателю «Русской мысли» они могли бы легко узнать, что эта статья — лишь первая в ряду задуманных Чернышевским работ «о тождестве условий материального благосостояния с требованиями разума и совести».

Редактор «Русской мысли» В. А. Гольцев, приглашая «опального» Чернышевского в журнал, полагал, что тот согласится на все условия. Чернышевский же предложил журналу статьи против расизма и мальтузианства. Эти теории «теперь в моде», — писал он, — но они — продукт невежества». И он послал в «Русскую мысль» свою работу, показавшую всю несостоятельность мальтузианского объяснения явлений природы и раскрывшую классовую, политическую подоплеку мальтузианства.

В мрачные годы господства злейшего мракобесия ему удалось рассказать в своей статье ту «Историю мальтусовой теоремы», которую и в более либеральную эпоху цензор вычеркнул из гранок «Современника».

Лишенный права печататься под своим именем, Чернышевский подписался двумя словами: «Старый трансформист». Этот псевдоним подчеркивал, что автор статьи признает изменчивость и преемственность видов и что острее его критики направлено против мальтузианства, которому в свое время ошибочно отдал дань Дарвин.

По поводу этой ошибки Дарвина Энгельс писал Лаврову, что «все учение Дарвина о борьбе за существование — это просто-напросто перенесение из общества в область живой природы... буржуазно-экономического учения о конкуренции наряду с теорией народонаселения Мальтуса». Признавая и высоко оценивая в учении Дарвина теорию развития, Энгельс отмечал, что дарвиновский способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) является «всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта». В свои тетради Энгельс записывал, что развитие видов «может происходить и фактически происходит без всякого мальтузианства».

Чернышевский ничего не знал и знать не мог о письмах Энгельса к Лаврову. — Они были опубликованы много лет спустя после его смерти. Он ничего не мог знать и о других, сходных по мысли записках Энгельса. — Они вошли в «Диалектику природы», изданную лишь после Октября. Тем разительнее совпадение идеи Чернышевского с идеями Маркса и Энгельса в этом вопросе.

Зная, что на страницах «Русской мысли» ошибка Дарвина превозносится, может быть, даже больше, чем его великие открытия, и хорошо чувствуя революционный заряд своей статьи, Чернышевский писал А. Н. Пыпину: «Я полагаю, что Гольцев не найдет возможным принять мое сотрудничество».

И он не ошибся. Редакция вначале отказала, но после гневной отповеди Чернышевского, желая числить его сотрудником журнала, решила напечатать статью, снабдив ее примечанием, в котором в вежливой форме отмежевывалась от высказанных в ней мыслей и словно оправдывалась в том, что поместила ее.

Это примечание глубоко возмутило Чернышевского.

«Никакого и ничего, кроме цензурского посредничества между мной и типографией я не допускаю», — писал издателю «Русской мысли» Чернышевский. В противном случае, продолжал он, «мое сотрудничество невозможно».

Для пропаганды передовой, революционизирующей общество науки он готов был использовать и страницы либерального буржуазного журнала, но он не мог допустить, чтобы либералы использовали его в своих интересах. И если обещанные им статьи в дальнейшем не появлялись, то в этом прямая вина либералов, которые в полном единодушии с реакцией принудили тогда к молчанию великого русского революционера. После двадцати с лишним лет страданий и унижений, каторги и ссылки, в условиях, специально созданных для того, чтобы согнуть человека, притупить его разум, — преследуемый клеветой либералов, Чернышевский остался таким же воинствующим революционером, каким был в «Современнике».

«Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма...» — писал В. И. Ленин.

И непонятно, почему наши исследователи так мало останавливались на работах Чернышевского, опубликованных в 1888 году, в частности на статье «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь».

Многие положения, развитые в этой работе, которую замолчали представители кастовой буржуазной науки, оказались созвучными основным идеям мичуринской биологии, выпестованной великой партией коммунистов.

В дни дискуссии мичуринцев с вейсманистами идеи Чернышевского зазвучали с новой силой.

Нет в природе «закона» убывающего плодородия! Он выдуман своекорыстными невеждами. Когда цель земледелия — удовлетворение нужд народа, а не капиталистическая прибыль, — действует «закон возрастания сельскохозяйственного продукта», о котором, борясь с мальтузианцами, говорил Чернышевский. И разве вся история нашего колхозного строя не подтверждает правильности этой гениальной догадки великого русского революционера!

Геннадий ФИШ